P 1 1/105

Проф. С. ПОЗНЫШЕВЪ.

КЪ ВОПРОСУ

О ПРЕОБРАЗОВАНІИ НАШЕЙ КАТОРГИ.

17748 V
17/XII 1923.

91 1/105

Къ вопросу о преобразованіи нашей каторги.

Среди многихъ недостатковъ нашей каторги первый и самый главный это—двойственность положенныхъ въ основу ея началъ. Въ теченіе XVIII столѣтія, вплоть до его конца, господствующими стремленіями уголовныхъ законодателей были стремленія къ возмездію равнымъ за равное и къ устрашенію. Они и наложили свою печать на первоначальную организацію каторжныхъ работъ. Кромѣ того, при созданіи этихъ работъ, имѣлось въ виду использовать принудительный трудъ преступниковъ для нуждъ государства; въ соотвѣтствіи съ послѣдними каторжныхъ и направляли то въ то, то въ другое мѣсто,—туда, гдѣ въ данный моментъ особенно ощущалась потребность въ рабочихъ рукахъ. Согласно руководящимъ принципамъ того времени каторга должна была быть тяжкимъ, изнурительнымъ трудомъ, карой чувствительной, страшной и вмѣстѣ съ тѣмъ возможно прибыльной для государства. Позднѣе, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, стала намѣчаться новая цѣль наказанія—исправленіе. Первоначально она предстала взору законодателей и практическихъ дѣятелей въ видѣ общихъ гуманныхъ пожеланій, часто выражавшихся въ торжественныхъ общихъ фразахъ, безъ ясныхъ указаній ихъ практическихъ требованій и способовъ осуществленія. Однако уже съ самаго начала идея исправленія не могла не оставить нѣкотораго отпечатка и на каторгѣ, занимавшей въ системѣ наказаній одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ. Подсказанныя идеей исправленія измѣненія въ организаціи этого наказанія появились въ видѣ разныхъ наслоеній, органически не связанныхъ съ прежнимъ его содержаніемъ. Съ другой стороны, все большее вымираніе идей возмездія и устрашенія также не могло не отражаться на нашей каторгѣ; эти идеи стали находить себѣ все менѣе яркое выраженіе въ ея содержаніи.

Такимъ образомъ, современное состояніе нашей каторги, съ одной стороны, отражаетъ въ себѣ уже устарѣвшія идеи возмездія и устрашенія, а съ другой—идею исправленія преступника, выраженную, впрочемъ, крайне недостаточно и блѣдно.

Идеи возмездія и устрашенія проявляются въ тѣхъ необыкновенно суровыхъ праволишеніяхъ, которыя связаны съ нашей каторгой и носятъ названіе лишенія всѣхъ правъ состоянія. Обширная группа праволишеній, извѣстная подъ этимъ названіемъ, содержитъ въ себѣ гораздо болѣе того, что представляется необходимымъ въ огражденіе общественной безопасности и интересовъ семьи присужденнаго къ этимъ праволишеніямъ преступника. Въ этихъ праволишеніяхъ, которыя, притомъ, пожизненны, несомнѣнно видны слѣды когда то существовавшей гражданской смерти, вызванной идеями возмездія и устрашенія.

Идеи возмездія и устрашенія нашли свое выраженіе въ безсрочной каторгѣ, а также въ связи собственно каторжныхъ работъ съ всегда слѣдующей за ними ссылкой на поселеніе. Эта связь каторги съ поселеніемъ создаетъ чрезмѣрную долгосрочность наказанія и тяжелую перспективу для каторжныхъ навсегда остаться въ Сибири. Несомнѣнно, что эти свойства каторги обязаны своимъ происхожденіемъ не одному желанію обезопаситъ Европейскую Россію отъ тяжкихъ преступниковъ, а и стремленію увеличить репрессивность даннаго наказанія, сдѣлать его возмездіемъ чувствительнымъ и суровымъ въ глазахъ какъ присуждаемыхъ къ нему преступниковъ, такъ и всего общества.

Далѣе, идеи возмездія и устрашенія нашли себѣ яркое выраженіе въ тѣхъ дисциплинарныхъ мѣрахъ, которыя до недавняго времени примѣнялись къ каторжнымъ: бритье половины головы, плети, прикованіе къ тележкѣ на срокъ до 3 лѣтъ. И въ настоящее время каторжные за „маловажные“ преступленія и проступки могутъ подлежать наказанію розгами не свыше 100 ударовъ. Сохранились также оковы для каторжныхъ отряда испытуемыхъ, для безсрочныхъ—ножныя и ручныя, а для срочныхъ—лишь ножныя. Этотъ звенящій остатокъ проявленія стремленій къ мести и устрашенію представляетъ собою желѣзныя браслеты съ цѣпями, прикрѣпляющимися, въ ножныхъ оковахъ, у пояса.

Какъ замѣчено выше, идеи возмездія и устрашенія, съ постепеннымъ развитіемъ института каторги, находили въ немъ все болѣе блѣдное выраженіе. Дѣйствительно, прежде, до отмѣны

клейменія, т. е., до указа 17 апрѣля 1863 г., каторжныхъ клеймили; до того же указа, лицамъ непривилегированныхъ состояній, при присужденіи къ каторгѣ, въ качествѣ дополнительнаго наказанія, назначались плети. На самую работу каторжныхъ законъ смотрѣлъ тогда болѣе, какъ на средство сдѣлать ихъ наказаніе достаточно тяжкимъ и, хотя бы нѣсколько, возмѣщающимъ государству расходы на него, чѣмъ какъ на воспитательное средство. Поэтому работы дѣлились (до 1885 г.), по предполагаемой ихъ тяжести, на 3 разряда—на рудниковыя, крѣпостныя и заводскія,—и дѣленіе это было поставлено въ извѣстное соотношеніе со степенями каторги: присужденные къ сравнительно большему сроку каторги направлялись на работы, признаваемыя закономъ сравнительно болѣе тяжкими, и наоборотъ. Теперь всѣ эти выраженія стремленій къ отмщенію и устрашенію исчезли вмѣстѣ съ бритьемъ половины головы и т. п. мѣрами. Но нѣкоторыя другія выраженія тѣхъ же идей сохранились, равно какъ сохранилось и вліяніе этихъ идей на общій характеръ нашей каторги.

Идея исправленія нашла себѣ блѣдное выраженіе въ той прогрессивности, которою по закону должно отличаться разсматриваемое наказаніе. Каторжные дѣлятся по закону на отряды и разряды; въ началѣ наказанія каждый каторжный зачисляется въ отрядъ испытуемыхъ, пробывъ въ которомъ извѣстное время переводится въ отрядъ исправляющихся. Законъ не указываетъ средствъ, которыя должны быть употреблены для достиженія начала исправленія каторжнаго, но полагаетъ, что каждый каторжный,—неизвѣстно только въ силу чего,—черезъ извѣстный срокъ начнетъ исправляться. Срокъ наступленія этого начала исправленія закономъ также указанъ опредѣленный, но неодинаковый для каторжныхъ, присужденныхъ къ разнымъ степенямъ наказанія; чѣмъ бо́льшій срокъ каторжныхъ работъ назначенъ человѣку, тѣмъ долѣе не начнетъ онъ, по мысли закона, исправляться. Нѣкоторыя категоріи каторжныхъ почему то закономъ считаются совершенно неисправимыми; поэтому эти каторжные никогда не переводятся въ отрядъ исправляющихся; таковы отцеубійцы, а также лица, по закону 3 февраля 1892 года, присужденныя къ безсрочной каторгѣ и учинившія, до отправленія въ ссылку, новое преступленіе, караемое безсрочной каторгой. Несомнѣнно, что всѣ эти предположенія закона произвольны, равно какъ очевидно, что вліяніе идей возмездія и устрашенія чувствуется и въ подраздѣленіи каторги на степени и каторжныхъ на отряды и разряды.

Попавъ въ отрядъ исправляющихся, каторжный, черезъ извѣстный срокъ, переходитъ въ т. наз. „внѣтюремный разрядъ“ и получаетъ рядъ льготъ; однако постановленія о нѣкоторыхъ изъ этихъ льготъ осуждены оставаться мертвыми буквами, въ родѣ, напр., права каторжнаго получить безплатно казенный лѣсъ для постройки дома. Каторжнымъ „внѣтюремнаго разряда“ законъ оказываетъ извѣстное довѣріе въ предположеніи, очевидно, достаточнаго ихъ исправленія, для достиженія котораго, однако, онъ опять-таки никакихъ средствъ не указываетъ.

Изъ сказаннаго выше объ общемъ характерѣ нашей каторги ясно, въ какомъ направленіи должна итти реформа этого института, въ чемъ, прежде всего, она должна заключаться.

Со времени зарожденія нашей каторги (1699 г.) прошло уже болѣе двухъ столѣтій, а со времени пріобрѣтенія ею тѣхъ основныхъ чертъ, которыя существуютъ теперь,—болѣе полувѣка. Несомнѣнно, что это—такіе сроки, въ которые успѣли состариться самыя основанія нашей каторги и накопился достаточный опытъ, чтобы категорически признать безполезность тѣхъ суровыхъ чертъ ея, которыя остались отъ прежняго времени. Конечно, преобразованіе нашей каторги должно заключаться не въ частичныхъ поправкахъ, не въ измѣненіи однѣхъ поверхностныхъ чертъ и не въ созданіи новыхъ деталей организаціи, а, прежде всего, въ пересмотрѣ основаній, на которыхъ она покоится, въ очищеніи ея отъ устарѣвшихъ принциповъ возмездія и устрашенія и въ построеніи заново подъ руководствомъ взгляда на наказаніе, только какъ на мѣру предупрежденія преступленій. Пора подумать о коренной реформѣ этого института, столь требуемой жизнью, а при такой реформѣ слѣдуетъ, прежде всего, выработать ясную руководящую точку зрѣнія, которую и надо развивать послѣдовательно въ отдѣльныхъ постановленіяхъ. Надо, прежде всего, уяснить себѣ, какимъ цѣлямъ призвана служить заторга? При рѣшеніи этого вопроса представятся три точки крѣнія.

Съ первой точки зрѣнія каторга должна быть достаточнымъ возмездіемъ за тяжкія преступленія и, слѣдовательно, наказаніемъ суровымъ, причиняющимъ жестокія страданія преступникамъ.

Со второй точки зрѣнія каторга должна быть мѣрой устрашенія, дабы гражданамъ неповадно было подражать убійцамъ, разбойникамъ и другимъ преступникамъ, подвергнутымъ каторгѣ. Эта точка зрѣнія также требуетъ суроваго содержанія каторги, ея устрашительности.

Практическіе выводы, вытекающіе изъ указанныхъ двухъ точекъ зрѣнія, родственны другъ другу и одинаково приводятъ къ жестокимъ наказаніямъ. Практическія требованія, вытекающія изъ третьей точки зрѣнія, несогласимы съ выводами изъ двухъ первыхъ.

Съ третьей точки зрѣнія каторга должна быть важнѣйшей мѣрой нравственнаго исправленія тягчайшихъ преступниковъ. Не переставая быть достаточно репрессивной, она должна заключать въ себѣ всѣ средства нравственнаго подъема, которыми только можетъ располагать уголовное наказаніе. Съ этой точки зрѣнія каторга достаточно репрессивна уже тѣмъ, что представляетъ собою продолжительное лишеніе свободы, соединенное съ нравственно дисциплинирующимъ и возвышающимъ образомъ жизни въ каторжныхъ тюрьмахъ.

Въ настоящее время нельзя сомнѣваться, что обѣ первыя точки зрѣнія уже устарѣли и не соотвѣтствуютъ ни современному состоянію науки уголовнаго права, ни общему ходу развитія уголовнаго права въ теченіе XIX вѣка и духу современныхъ карательныхъ системъ [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, мстить невѣжественному, часто тяжелыми обстоятельствами доведенному до преступленія преступнику не соотвѣтствуетъ достоинству государства и не можетъ принести ничего, кромѣ очевиднаго вреда, потому что будетъ только деморализовать общество жестокими наказаніями, тормозить нравственный прогрессъ народа, внушая ему мысль о нравственной допустимости мести, и будетъ озлоблять преступниковъ. Притомъ, идея возмездія не имѣетъ подъ собой никакихъ основаній, такъ какъ нельзя доказать, почему, собственно, должно имѣть мѣсто удвоеніе зла: несправедливость, кому либо причиненная, вовсе не даетъ права причинить такую же виновнику ея. Наконецъ, идея воздаянія равнымъ за равное, строго говоря, неосуществима, такъ какъ установить требуемое ею равенство, въ силу очень различной чувствительности людей и неизвѣстности, какія страданія будетъ причинять данное наказаніе преступнику, невозможно. Идея устрашенія жестокостью наказаній также несостоятельна, какъ это доказали еще въ концѣ XVIII вѣка Монтескье и Беккарія. Дѣло въ томъ, что, рѣшаясь совершить извѣстное дѣяніе, человѣкъ имѣетъ въ виду не только качество послѣдствій своей дѣятельности,

---

[1]) Подробнѣе о несостоятельности этихъ принциповъ см. въ моихъ *Основныхъ началахъ науки уголовнаго права* и въ *Основныхъ вопросахъ ученія о наказаніи*.

но и степень вѣроятности, съ какою можно разсчитывать, что данный результатъ наступитъ вслѣдъ за совершеніемъ дѣйствія. Если вѣроятность подвергнуться наказанію не особенно велика, если у каждаго подъ руками примѣры, когда угроза закона оставалась мертвою буквою, то наказаніе, какъ бы жестоко оно ни было, не окажетъ удерживающаго дѣйствія. Наоборотъ, разъ наказаніе представляется неизбѣжнымъ, оно окажетъ достаточное превентивное дѣйствіе, и не будучи жестокимъ. Такимъ образомъ, государству во всякомъ случаѣ нѣтъ надобности практиковать жестокія и кровавыя карательныя мѣры. Но этого мало. Государство имѣетъ положительный интересъ и обязано избѣгать всякой жестокости въ своей карательной дѣятельности. Грубыя и жестокія наказанія задерживаютъ нравственный прогрессъ народа, препятствуютъ развитію уваженія къ человѣческой личности.

Такимъ образомъ, обѣ первыя точки зрѣнія должны быть отброшены при законодательной работѣ и исключительное руководительство должно принадлежать третьей точкѣ зрѣнія. Принявъ ее, ее, конечно, слѣдуетъ развивать послѣдовательно. Отсюда слѣдуетъ, что преобразованіе нашей каторги должно заключаться: вопервыхъ, въ устраненіи изъ нея всего, что было подсказано уже отжившими началами возмездія и устрашенія, а вовторыхъ, во внесеніи въ содержаніе нашей каторги всего, что необходимо для того, чтобы она могла дѣйствительно стать мѣрой нравственнаго исправленія тяжкихъ преступниковъ.

Проектъ г. Министра Юстиціи о преобразованіи каторги обѣщаетъ внести многія, хотя и частичныя, улучшенія въ организацію нашей каторги, но оставляетъ коренной ея недостатокъ безъ существенныхъ измѣненій. Въ постановленіяхъ проекта мелькаютъ тѣ же двѣ непримиримыя точки зрѣнія на каторгу, какъ и въ современномъ законодательствѣ. Каторга, по проекту, есть мѣра нравственнаго исправленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возмездія, и устрашенія. Въ самомъ дѣлѣ, только этой двойственностью основной точки зрѣнія можно объяснить, что проектъ, съ одной стороны, говоритъ объ исправляющихся и исправленіи, а съ другой сохраняетъ для каторжныхъ—испытуемыхъ оковы и для всѣхъ разрядовъ каторжныхъ—розги до 100 ударовъ въ качествѣ дисциплинарной мѣры и наказанія за менѣе важныя преступныя дѣянія (ст. 10, 25—26 проекта). Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ проектъ вноситъ нѣкоторыя улучшенія частичнаго характера. Такъ, изъ женщинъ оковы налагаются, по проекту, лишъ на безсрочныхъ каторжанокъ. Далѣе, проектъ

упоминаетъ вообще только о ножныхъ оковахъ, а дѣйствующіе законы безсрочнымъ каторжнымъ обоего пола назначаютъ и оковы ручныя. Конечно, такія поправки нельзя не признать улучшеніемъ существующаго порядка отбытія каторги, но оковы все-таки, хотя и съ сокращеніемъ объема ихъ примѣненія, остаются. Несомнѣнно, однако, что закованіе въ кандалы не мирится съ идеей нравственнаго исправленія. Послѣдняя требуетъ, чтобы въ арестантахъ развивали чувство собственнаго достоинства и внушали имъ бодрящую надежду на то, что для нихъ не все еще потеряно и что къ нимъ относятся съ вѣрой въ ихъ исправленіе. Нельзя исправлять, унижая того, кого хотятъ исправить. Оковы унижаютъ человѣка, озлобляютъ и оскорбляютъ его, мѣшаютъ развитію его самодѣятельности, направленной къ исправленію. Онѣ какъ бы говорятъ ему, что на него смотрятъ какъ на звѣря, котораго сажаютъ на цѣпь. Нельзя оправдывать оковы и ихъ необходимостью для предупрежденія побѣговъ. Вопервыхъ, побѣги могутъ и должны быть предупреждаемы иными мѣрами, гораздо болѣе дѣйствительными. Вовторыхъ, опытъ говоритъ, что арестанты легко выучиваются снимать и разбивать оковы, такъ что серьезнаго препятствія побѣгамъ послѣднія не представляютъ. Далѣе, опытъ многихъ западныхъ государствъ, въ которыхъ каторжные уже не заковываются въ оковы, рѣшительно говоритъ о ненужности оковъ. Наконецъ, вѣдь и у насъ не одни каторжные стремятся бѣжать, такое же стремленіе нерѣдко присуще и присужденнымъ къ исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ, однако ихъ не заковываютъ въ оковы. Да, и каторжные вѣдь не только въ періодъ пребыванія въ отрядѣ испытуемыхъ обладаютъ наклонностью къ побѣгамъ; съ переводомъ въ отрядъ исправляющихся каторжный все еще имѣетъ въ перспективѣ длинный рядъ лѣтъ тяжелаго наказанія, однако никто не совѣтуетъ и къ каторжнымъ исправляющимся примѣнять оковы. Если оковы назначаются въ предупрежденіе побѣговъ, то ихъ слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ, примѣнять лишь къ тѣмъ каторжанамъ, которые обнаружили наклонность бѣжать по крайней мѣрѣ покушеніемъ на побѣгъ. Прежде думали, что и бритье половины головы необходимый элементъ каторги, теперь отъ этой мѣры уже отказались и врядъ ли кто рѣшится утверждать, что отъ этого получились какіе-либо неблагопріятные результаты.

О вредномъ, развращающемъ вліяніи розогъ много говоритъ не стоитъ. Оно слишкомъ извѣстно. Скажу только, что арестанты, жизнь которыхъ бѣднѣе впечатлѣніями, чѣмъ жизнь свободныхъ людей, воспринимаютъ вредныя дѣйствія розги еще

съ большой остротой и силой, потомучто впечатлѣніе отъ слуха о поркѣ или отъ испытанной порки не разсѣивается и не ослабляется у нихъ какими-либо болѣе свѣтлыми впечатлѣніями, а ложится на общій мрачный фонъ ихъ взглядовъ на будущее, на погубленную жизнь ихъ и на отношеніе къ нимъ уже не какъ къ людямъ, а какъ къ животнымъ. Во всѣхъ отношеніяхъ опасно разбрасывать такія впечатлѣнія въ тюрьмѣ; они могутъ только въ высшей степени сильно препятствовать нравственному исправленію. У нашихъ каторжанъ и такъ складывается часто мрачный взглядъ на самихъ себя какъ на людей, по ихъ выраженію, уже „рѣшенныхъ", у которыхъ нѣтъ будущаго, жизнь которыхъ непоправимо погублена. Укрѣплять поркою это мрачное настроеніе очень опасно. Тотъ упадокъ духа, который сказывается въ этомъ мрачномъ настроеніи, является первымъ врагомъ нравственнаго исправленія.

Такимъ образомъ, тѣлесныя наказанія такъ-же, какъ и оковы, должны бы быть вычеркнуты совершенно изъ содержанія нашей каторги. Вмѣстѣ съ ними должна бы быть вычеркнута и безсрочная каторга, какъ противорѣчущая идеѣ исправленія. Несомнѣнно также, что то дѣленіе каторги на степени, которое имѣется въ нашемъ старомъ Уложеніи, отличается большою ариѳметичностью, опять таки не согласующеюся съ идеей исправленія. Указанныя въ ст. 19 Улож. о нак. степени должны бы быть, если не уничтожены вовсе, то сокращены, такъ, чтобы судьѣ предоставлялся большій просторъ при выборѣ срока каторги. Такое измѣненіе степеней каторги сближало бы старое Уложеніе съ новымъ, а то получается ничѣмъ не оправдываемая и вредная пестрота, такъ какъ у насъ дѣйствуютъ два Уложенія, въ лѣстницахъ наказаній которыхъ каторга занимаетъ одинаково видное мѣсто, но въ одномъ Уложеніи она дѣлится на 7 степеней, а въ другомъ—вовсе не дѣлится на степени.

Реформа каторги, какъ сказано выше, должна заключаться не въ одномъ только очищеніи ея отъ остатковъ принциповъ возмездія и устрашенія, а и въ снабженіи ея соотвѣтствующимъ ея цѣли, морализующимъ содержаніемъ. Въ настоящее время наша каторга, такъ сказать, внутренне пуста, въ томъ смыслѣ, что отбывающіе ее не подвергаются такому режиму, который могъ бы нравственно ихъ исправлять. Самое устройство тюремъ, гдѣ отбывается каторга, таково, что ни о какомъ нравственномъ исправленіи въ нихъ не можетъ быть и рѣчи. Правда, законъ дѣлитъ каторжныхъ на отряды и разряды и вноситъ нѣкоторую прогрессивность въ отбытіе нашей катор-

ги. Но всѣ эти дѣленія лишены сколько нибудь серьезнаго значенія. Измѣненія, происходящія въ нравственной личности каторжнаго, не учитываются, и переходъ изъ одного отряда въ другой не поставленъ въ связь съ какими-либо засвидѣтельствованными измѣненіями нравственной личности каторжнаго къ лучшему. Если каторжный ведетъ себя тихо, т. е. не попадается въ нарушеніяхъ порядка, онъ черезъ извѣстный срокъ переводится въ отрядъ исправляющихся, во внѣтюремный разрядъ или на поселеніе. Никакихъ положительныхъ усилій съ его стороны, усвоенія чего-либо поднимающаго его нравственную личность не требуется. Всѣ указанныя въ законѣ градаціи проходятся каторжными, такъ сказать, автоматически; переходъ на высшую ступень не заработывается какими либо успѣхами, а требуетъ просто протеченія извѣстнаго промежутка времени. Статья 91 Устава о ссыльныхъ точно указываетъ сроки, какіе каторжный долженъ пробыть въ отрядѣ испытуемыхъ: безсрочные каторжане—8 лѣтъ, присужденные на срокъ свыше 20 лѣтъ—5 лѣтъ, присужденные на срокъ свыше 15 лѣтъ и до 20 лѣтъ—4 года и т. д. За новыя преступленія сроки пребыванія въ отрядѣ испытуемыхъ—удлиняются (ст. 93 Уст. о ссыльныхъ, ст. 133 Улож. о нак.). Если каторжный не попадается въ какихъ-либо нарушеніяхъ порядка, онъ, черезъ указанный срокъ, переводится въ исправляющіеся Ст. 96 Уст. о ссыльныхъ говоритъ, что въ отрядъ исправляющихся перечисляются каторжные подавшіе, во время пребыванія въ отрядѣ испытуемыхъ, надежду на исправленіе доказательствами покорности начальству, воздержности, опрятности и трудолюбія. Такъ какъ проявить невоздержность въ тюрьмѣ физически немыслимо, къ труду же принуждаютъ, при недостаткѣ собственной охоты къ нему, то все сводится, значитъ, къ покорности каторжныхъ начальству.

Необходимо нѣсколько углубить и дополнить установленныя въ законѣ подраздѣленія каторжныхъ. Это можно сдѣлать, вопервыхъ, превратя дѣленіе на испытуемыхъ и исправляющихся въ классы, въ которые арестанты должны зачисляться по опредѣленнымъ въ законѣ правиламъ объ успѣхахъ въ школѣ, въ мастерской и въ т. наз. общемъ поведеніи, т. е. въ поведеніи въ праздники, въ часы отдыха, обѣда и т. д. Къ этимъ двумъ классамъ слѣдовало бы прибавить еще два, одинъ—высшій, образцовый, другой—низшій, штрафной разрядъ. Такимъ образомъ, получилось бы 4 класса: 1) испытуемыхъ, 2) исправляющихся, 3) образцовый и 4) низшій, штрафной разрядъ. Каждый новичекъ долженъ поступать въ I-й классъ, а изъ

него въ низшій или въ классъ исправляющихся, или быть оставленъ въ томъ же классѣ на новый срокъ, смотря по своимъ успѣхамъ. Для каждаго класса долженъ быть установленъ свой минимальный срокъ пребыванія въ немъ. Въ предѣлахъ классовъ могутъ быть установлены подгруппы. Съ дѣленіемъ на классы должно быть поставлено въ опредѣленное соотношеніе право свиданій и переписки, право „выписки", заработная плата и т. д.

Успѣхи арестантовъ должны учитываться съ помощью той или иной системы отмѣтокъ, такъ называемой марочной системы. Хотя II съѣздъ тюремныхъ дѣятелей высказался о марочной системѣ въ слишкомъ неувѣренныхъ, общихъ и малоопредѣленныхъ выраженіяхъ, признавъ преждевременнымъ введеніе ея во всѣхъ мѣстахъ заключенія, несомнѣнно эта система, въ той или иной конкретной своей обрисовкѣ, должна быть немедленно введена въ нашу каторгу, ибо она необходима для нравственнаго исправленія. Вводить ее во всѣхъ мѣстахъ заключенія не только преждевременно, а и вообще не нужно, ввести же ее въ мѣстахъ, предназначенныхъ служить нравственному исправленію наиболѣе тяжкихъ преступниковъ, необходимо. Точно также производить опытъ съ введеніемъ этой системы хотя бы въ одномъ мѣстѣ заключенія, предназначенномъ для отбытія тюремнаго заключенія, въ тѣсномъ и собственномъ смыслѣ этого слова, совершенно излишне [1]).

Совершенно необходимо, далѣе, установить для каторжныхъ обязательное ночное разъединеніе по одиночнымъ камерамъ или, по крайней мѣрѣ, по альковамъ, различные типы которыхъ давно уже выработаны западной практикой [2]). Пока не будетъ установлено непремѣннаго ночного разъединенія и каторжные будутъ десятками скопляться въ общихъ камерахъ, безплодны будутъ всѣ усилія, хотя сколько нибудь, достигнутъ на практикѣ нравственнаго ихъ исправленія. Общія камеры всегда будутъ въ высшей степени дѣятельными академіями преступленія. Въ этомъ отношеніи ст. 7 проекта заслужила бы измѣненія редакціи въ смыслѣ категорическаго требованія ночного разъединенія.

Необходимо измѣнить и характеръ нашего тюремнаго строительства: у насъ все еще продолжаютъ строить тюрьмы безъ

---

[1]) II Съѣздъ тюремныхъ дѣятелей призналъ желательнымъ ввести марочную систему, въ видѣ опыта, хотя бы въ 3 мѣстахъ заключенія: въ каторжной тюрьмѣ, въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи и въ тюрьмѣ общаго устройства.

[2]) Фотографію алькововъ см. въ моей книгѣ о бельгійскихъ тюрьмахъ и въ моихъ *Очеркахъ тюрьмовѣдѣнія*.

централизаціи тюремныхъ помѣщеній и съ общими камерами, несмотря на давно удостовѣренную опытомъ непригодность подобныхъ зданій для пенитенціарныхъ цѣлей.

Необходимо, наконецъ, устройство въ мѣстахъ отбытія каторги особыхъ школъ. При этомъ не слѣдуетъ возлагать всего бремени преподаванія на тюремныхъ священниковъ; необходимы особые учителя, которые получали бы достаточное казенное содержаніе (не менѣе 500—600 р.) и квартиру, и входили бы въ составъ совѣтовъ каторжныхъ тюремъ. Эти учителя должны учить арестантовъ грамотѣ и давать имъ начальное образованіе, а грамотныхъ уже и не нуждающихся въ начальномъ образованіи развивать, задавая имъ сочиненія и изложенія и бесѣдуя съ ними по поводу исполненія этихъ работъ. Учителя должны завѣдывать библіотеками, слѣдить за арестантскимъ чтеніемъ и руководить имъ, устраивать чтенія съ туманными картинами... На тюремныхъ священникахъ должно лежать важное для нравственнаго исправленія религіозное просвѣщеніе арестантовъ и удовлетвореніе ихъ религіозныхъ нуждъ. У насъ и въ общей тюремной Инструкціи, и въ постановленіяхъ II съѣзда тюремныхъ дѣятелей упоминается о тюремныхъ школахъ, но школъ, за рѣдчайшими исключеніями, нѣтъ. Необходимо создать казенную тюремную школу, именно, прежде всего, въ мѣстахъ отбытія каторги. Каторга особенно нуждается въ школѣ, такъ какъ большинство каторжанъ принадлежитъ къ необразованнымъ классамъ, да и каторжанамъ, имѣющимъ достаточное образованіе, чтеніе книгъ изъ тюремной библіотеки и участіе въ бесѣдахъ—чтеніяхъ нерѣдко могутъ принести пользу. Въ самомъ дѣлѣ, каторга главнымъ образомъ примѣняется къ совершившимъ тяжкія посягательства на личность (убійство, тѣлесныя поврежденія, разбой, т. д.) т. е. въ случаяхъ такихъ преступленій, которыя свидѣтельствуютъ о недостаткѣ нравственныхъ, альтруистическихъ чувствованій,—чувства состраданія, жалости, уваженія къ человѣческой личности, о недостаткѣ отвращенія къ насильническому пролитію крови и т. п. Для исправленія такихъ преступниковъ необходимо уменьшить ихъ умственную косность и тупость, развить ихъ интеллектъ, заставить зашевелиться въ послѣднемъ такія нравственныя представленія, которыя противодѣйствовали бы проявленіямъ антиальтруистическихъ чувствъ (злобы, ненависти, ревности и т. п.) и возбуждали бы голосъ нравственныхъ, альтруистическихъ чувствованій. Необходимо постараться развить у этихъ преступниковъ чувство собственнаго достоинства и поколебать нерѣдко

существующую у нихъ (особенно—у корыстныхъ убійцъ) грубѣйшую „философію жизни“, по которой для чувственныхъ наслажденій все разрѣшается. Это могутъ сдѣлать только чтеніе хорошо подобранныхъ книгъ, чтенія, бесѣды, школьныя занятія, при отсутствіи развращающаго вліянія общихъ камеръ. Конечно, иногда съ умственнымъ развитіемъ соединяется большая нравственная испорченность, но это бываетъ въ видѣ исключенія и, притомъ, тогда, когда съ развитіемъ силы мышленія не соединяется должнаго воспитательнаго вліянія на содержаніе вырабатываемыхъ умомъ идей. Во всякомъ случаѣ въ системѣ нравственнаго исправленія мѣрамъ просвѣщенія должно принадлежать весьма видное мѣсто. Употреблять во зло можно все—и свою умственную силу, и свой навыкъ въ трудѣ, и знаніе техники какого-либо ремесла. У насъ нерѣдко, повидимому, думаютъ, что для исправленія арестантовъ достаточно пріученія ихъ къ труду. Конечно, трудъ въ тюрьмахъ очень важенъ, и я ничуть не желаю умалять его значенія, но онъ далеко не все. Во многихъ случаяхъ и особенно въ каторжныхъ тюрьмахъ, прежде всего, надо воздѣйствовать на интеллектъ арестантовъ мѣрами просвѣщенія. Не мало арестантовъ, которые и до наказанія всю жизнь свою работали и любятъ трудъ. Конечно, эта привычка и привязанность ихъ къ труду должны быть въ тюрьмахъ упражняемы, но для исправленія ихъ нужно уже иное, именно школа, въ широкомъ смыслѣ этого слова, съ цѣлымъ рядомъ обнимаемыхъ ею просвѣтительныхъ вліяній. Пора позаботиться о правильно и широко поставленной школѣ, хотя бы на первое время, только въ мѣстахъ отбытія каторги.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ ближайшемъ будущемъ нашему Главному Тюремному Управленію придется приступить къ постройкѣ спеціальныхъ каторжныхъ тюремъ, а существующія и будто бы приспособленныя для содержанія каторжныхъ отдѣленія тюремъ Европейской Россіи, хотя бы частью, закрыть. Очень желательно, чтобы при постройкѣ новыхъ каторжныхъ тюремъ не дѣлали обычныхъ крупныхъ ошибокъ нашего тюремнаго строительства и позаботились о ночномъ разъединеніи каторжныхъ, о централизаціи тюремныхъ помѣщеній и объ устройствѣ спеціальныхъ помѣщеній для школьныхъ занятій и тюремной библіотеки. Если въ связи съ этимъ будутъ стоять вышеуказанныя законодательныя измѣненія въ самой структурѣ каторги, то убійства каторжными сразу по 3—4 или 5 надзирателей станутъ невозможны. Въ благоустроенныхъ тюрьмахъ такія явленія физически немыслимы, во всякомъ случаѣ не-

мыслимо, чтобы сразу было убито нѣсколько надзирателей и это обнаружилось лишь черезъ нѣсколько часовъ.

Присужденные къ каторгѣ попадаютъ на цѣлый рядъ лѣтъ въ распоряженіе тюремной власти. Этими годами власть должна воспользоваться не для того, чтобы мучить и, такъ сказать, безполезно муштровать человѣка, а для того, чтобы измѣнить его нравственную личность, его умственный кругозоръ, строй его нравственныхъ чувствованій и сообщить ему рядъ полезныхъ навыковъ.

Къ сожалѣнію, проектъ г. министра юстиціи не содержитъ въ себѣ достаточныхъ постановленій о мѣрахъ воспитательнаго характера. Такъ, онъ не указываетъ руководящихъ началъ нравственной классификаціи каторжныхъ, а только вскользь (ст. 6) упоминаетъ, что каторжные должны дѣлиться на группы сообразно прежней судимости, характеру совершеннаго ими преступленія и вообще по нравственнымъ ихъ качествамъ. Онъ не содержитъ постановленій о мѣрахъ просвѣщенія каторжныхъ, вскользь упоминая о школьныхъ занятіяхъ. А такъ какъ и въ дѣйствующихъ законахъ о нихъ нѣтъ постановленій, то, конечно, эти мѣры и не получатъ развитія; развитіе ихъ путемъ инструкціи и циркуляровъ затруднительно и мало вѣроятно; притомъ, инструкціи и циркуляры должны лишь развивать, а не замѣнять законъ. Проектъ не даетъ достаточныхъ общихъ указаній на режимъ каторжныхъ, не опредѣляя, напр., по какимъ именно даннымъ долженъ быть переводимъ каторжный изъ одного разряда въ другой. Общихъ выраженій, въ родѣ „одобрительнаго поведенія“, „усердія въ работѣ“ и проч., недостаточно. Самые разряды, которые указываются проектомъ, суть лишь нѣкоторая передѣлка существующихъ дѣленій на отряды и разряды [1]). Не указано проектомъ соотношеніе школьныхъ занятій и арестантскаго труда, что практически очень важно. Спрашивается: кто изъ каторжанъ обязанъ посѣщать школу? Тѣ, которые не учатся грамотѣ, обязаны ли заниматься подъ руководствомъ учителя чѣмъ-либо, могущимъ вліять на нихъ развивающимъ образомъ (сочиненія, чтеніе и т. д.)? Каждый ли день долженъ посѣщать каторжный школу? Какъ согласить занятія въ школѣ съ работой? Послѣдній вопросъ непосвященному взгляду можетъ показаться очень простымъ, но на самомъ дѣлѣ онъ практически весьма труденъ. У насъ въ Москвѣ, напр., въ пересыльной тюрьмѣ оказалось невозможнымъ установить школьныя занятія для катор-

[1]) Между прочимъ, съ точки зрѣнія нравственнаго исправленія трудно согласиться и съ примѣчаніемъ I статьи 4 проекта.

жанъ, работающихъ въ мастерскихъ, и Мужской Благотворительно-тюремный Комитетъ долженъ былъ ограничиться введеніемъ для этого большинства каторжанъ лишь воскресныхъ занятій, которыя ведутся 2 учителями и на которыхъ участвуетъ, конечно, лишь меньшинство рабочихъ каторжанъ. Оказалось, что арестанты работаютъ въ мастерскихъ группами и каждая группа распредѣляетъ извѣстнымъ образомъ между своими членами работу; невозможно, чтобы одинъ арестантъ, школы не посѣщающій, начиналъ работу, напр., въ 2 часа, послѣ обѣденнаго перерыва, а другой—въ 4. Пребываніе въ школѣ или задержитъ работу всей группы, или должно вести къ устраненію арестанта-ученика школы изъ той небольшой группы рабочихъ, къ которой онъ принадлежалъ. Согласовать школьныя занятія съ работой совершенно необходимо и законъ долженъ дать руководящія для того указанія. Проектъ молчитъ о школьныхъ классахъ, о порядкѣ перевода изъ класса въ классъ и о значеніи для арестанта этого перевода. Онъ молчитъ также о библіотекѣ и чтеніяхъ.

Проектъ дѣлаетъ большой шагъ впередъ, порывая связь каторги съ поселеніемъ. Для отбывшихъ срокъ каторги и условно-освобожденныхъ онъ вводитъ, вмѣсто ссылки на поселеніе, водвореніе на извѣстный срокъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, причемъ водворенные должны находиться подъ особымъ полицейскимъ надзоромъ. Къ сожалѣнію, проектъ не указываетъ мѣръ къ обезпеченію водворяемыхъ работой, которая могла бы ихъ прокормить въ мѣстахъ водворенія, или вообще къ обезпеченію средствъ существованія водворенныхъ. А между тѣмъ, если такихъ мѣръ не будетъ принято, водворенные вынуждены будутъ вновь совершить преступленіе. Ни для кого не секретъ, что современный нашъ полицейскій надзоръ съ высылкой подподзорныхъ въ уѣздные городки,—гдѣ они не въ силахъ найти себѣ никакой работы, уже въ виду того, что ихъ, какъ подподзорныхъ, сторонятся,—является однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ у насъ факторовъ преступности. Если бывшіе каторжане будутъ только „водворяться“ въ извѣстныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, безъ заботъ о средствахъ ихъ существованія, то мѣста водворенія станутъ поприщами самыхъ тяжкихъ преступленій, особенно, если принять во вниманіе, что каждый каторжанинъ въ общей камерѣ сильно подучится преступной дѣятельности.

Устраняя ссылку на поселеніе, какъ послѣдствіе каторги, проектъ, конечно, правъ, но надлежало бы обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Коренной недостатокъ ссылки на

поселеніе заключается въ томъ, что она пытается принудить человѣка къ тому, къ чему нельзя принудить: стать ревностнымъ и хорошимъ сельскимъ хозяиномъ. Въ самомъ дѣлѣ, только при горячемъ желаніи „сѣсть на землю“, при хорошемъ знаніи сельскохозяйственныхъ работъ и привычкѣ къ нимъ человѣкъ можетъ устроиться на небольшомъ клочкѣ земли, въ новыхъ для него и часто тяжелыхъ климатическихъ, почвенныхъ и др. условіяхъ. Но, какъ скоро отпадаетъ элементъ принудительности, поселеніе человѣка, отбывшаго наказаніе, на участкѣ земли, въ качествѣ мѣры патроната, можетъ быть очень полезно и для него, и для государства. Объ устройствѣ на землѣ такихъ желающихъ и, притомъ, на извѣстныхъ условіяхъ, не создающихъ для нихъ несправедливыхъ привилегій, слѣдовало бы подумать, зачеркивая ссылку на поселеніе, какъ послѣдствіе каторги.

Шагъ впередъ въ развитіи начала прогрессивности проектъ дѣлаетъ также, допуская условное освобожденіе каторжанъ, хотя я лично являюсь сторонникомъ безусловнаго досрочнаго освобожденія. Впрочемъ, при неизбѣжной неорганизованности испытательнаго періода, наше условное освобожденіе есть, въ сущности, безусловное; эпитетъ „условное“ мѣшаетъ только болѣе обдуманному и осторожному примѣненію этой мѣры, внушая мысль, что вѣдь освобождаютъ досрочно лишь „условно“.

Не останавливаясь болѣе на отдѣльныхъ постановленіяхъ и разсматривая проектъ въ его цѣломъ, нельзя не признать, что онъ нѣсколько развиваетъ то лучшее, что есть въ содержаніи нашей каторги и немного уменьшаетъ ея органическіе недостатки, но ему недостаетъ цѣльности, единства руководящей точки зрѣнія и послѣдовательнаго проведенія ея въ отдѣльныхъ постановленіяхъ.

Нельзя не отмѣтить и, такъ сказать, чрезмѣрной ариѳметичности проекта, который повсюду назначаетъ много разныхъ сроковъ, не ставя ихъ въ какое-либо опредѣленное соотношеніе со свойствами нравственной личности арестантовъ. Нельзя не пожалѣть, что проектъ желаетъ сохранить ст. 133 Уложенія о нак. и ст. 66 Угол. Улож. и бороться съ многократной преступной дѣятельностью путемъ своеобразнаго сложенія наказаній. Между тѣмъ современная наука пришла къ выводу, что при выборѣ наказаній надо считаться съ классификаціей преступниковъ и разнымъ категоріямъ преступнаго люда, напр., профессіональнымъ преступникамъ, назначать наказанія, не довольствуясь сложеніемъ наказаній или инымъ ариѳметическимъ

опредѣленіемъ уголовной отвѣтственности[1]). Никакихъ слѣдовъ попытки считаться съ какою-либо классификаціей преступниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о характерѣ и размѣрахъ наказанія или, по крайней мѣрѣ, выдѣлить нѣкоторыя категоріи преступниковъ, въ родѣ преступниковъ профессіональныхъ, я въ проектѣ не усмотрѣлъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, если бы предлагаемыя въ настоящей статьѣ измѣненія были приняты, проектъ могъ бы быть сильно сокращенъ, а между тѣмъ содержаніе его стало бы полнѣе и обѣщало бы внести въ нашу каторгу болѣе серьезныя измѣненія. Структура каторги стала бы тогда проще, менѣе запутана и вмѣстѣ съ тѣмъ полна мѣрами нравственнаго подъема каторжанъ, которые проводили бы долгіе годы своего заключенія съ большой пользой и для себя, и для общества.

Попытка улучшить состояніе нашей каторги, играющей столь видную роль въ нашей карательной системѣ, составляетъ безспорную заслугу министерства юстиціи и отвѣчаетъ дѣйствительно назрѣвшей потребности. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы попытка эта оказалась наиболѣе плодотворной; именно этимъ желаніемъ и продиктованы вышеприведенныя строки. Реформы карательныхъ системъ предпринимаются очень рѣдко; если въ настоящій, весьма удобный для того моментъ не будутъ устранены коренные недостатки нашей каторги, они останутся, быть можетъ, еще на столѣтіе, губя многія тысячи людей вмѣсто того, чтобы дѣлать ихъ болѣе годными соціальными единицами. Дефекты наказаній тѣмъ особенно и нехороши, что дѣйствуютъ непрерывно и безостановочно вливаютъ въ общество массы испорченныхъ людей, вмѣсто того, чтобы послѣднихъ исправлять. Вотъ почему, предпринимая реформу каторги, нельзя довольствоваться улучшеніемъ лишь кое-какихъ чертъ этого института, а необходимо позаботиться о возможно глубокой и всеохватывающей реформѣ, которая надолго упрочила бы такое состояніе этого института, при которомъ онъ сталъ бы дѣйствительнымъ средствомъ въ борьбѣ съ тяжкой преступностью.

Проф. С. Познышевъ.

---

[1]) Ср. мои *Основныя начала науки угол. права* § 415 сл.

Библиотека